Пильский П. Роман Чехова с Ольгой Книппер // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1935. 21 апреля. № 8118. С. 8.

Роман Чехова с Ольгой Книппер

Осужденная жена.— Конец легенде. — Первая встреча.— Таинственное венчание,—Фальшивое положение.—Шутки Чехова. — Как он называл Ольгу Книппер. — Одиночество. — Почему она не бросила театра?

Так и решили: этот роман не принес счастья, этот брак не спас Чехова от одиночества. В Книппер побеждала актриса, — голос жениной любви был не слышен. Публично она не могла и защищаться, если-б она решила оправдываться, пришлось опубликовывать все письма, не только Чехова, но и ея собственные. Это было-б раскрытием слишком интимных, слишком дорогих тайн.

О. Л. Книппер молчала.

Но, вот, сейчас это молчание расковано. Появились и ея письма, черной легенде пора положить конец. Жена Чехова не виновата совсем или, если виновата, то без вины. На ея жизненном пути Чехов появился и уже с него не сходил, потом навсегда остался в памяти неуходящим гостем и властителем.

Обоих взволновала первая встреча. — 9 сентября, 1898 год. Через год она вспоминала об этом событии, писала Чехову, как дрожала тогда, как ее взволновала присланная повестка, предупреждавшая, что вечером на репетиции будет присутствовать сам автор. — «Вы это понимаете? — спрашивает она, — и сама удивляется: «а теперь, вот, сижу и пишу этому «автору» без страха и трепета, и, наоборот, как то светло и хорошо на душе».

Понравилась и она.

Сначала Чехов отнесся к этому шутливо. Суворину он писал, что его приятно тронула интеллигентность тона, что со сцены на него повеяло настоящим искусством.... Большое впечатление произвела актриса, игравшая в «Царе Федоре Иоанновиче» Ирину. Это была Книппер. «По-моему,— признавался Чехов, — она великолепна, — голос, благородство, задушевность, — так хорошо, что даже в горле чешется... Если-б я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину». Через некоторое время знакомство стало тесней. В этой книге письма начинаются с июля 1899 года, но решающими периодом было следующее лето: в июле Книппер была в Ялте, гостила у Срединых, в семье, близкой Чеховым. С этих пор письма перешли на «ты», но много их было и раньше. Они начались, когда Книппер уехала отдыхать на Кавказ к брату, около Мцхета. Шла переписка, происходила встречи, росла и крепла взаимная привязанность. Надо было решиться на серьезный жизненный шаг. — Книппер согласилась стать женой Чехова. Конечно, она знала, что он болен, понимала, как ей трудно было бы расстаться с театром. Но «верилось, что жизнь может и должна быть прекрасной, и она стала такой, несмотря на наши горестные разлуки». Так оценивает свою судьбу Книппер. Ей пришлось пережить много тяжелых минут, испытать всю фальш своего положения, когда она была только неофициальной, необъявленной невестой. Меж тем об этом все догадывались и почти знали. Надо было почему-то затаиваться, прятаться, не отвечать на прямые вопросы, что-то скрывать, как преступление или неловкость. Они были уже близки, письма перешли на «ты», но решительного шага Чехов не сделал. Венчание отодвигалось. Книппер это волновало. В Ялту должен был приехать Влад. Ив. Немирович-Данченко. Книппер пишет об этом Чехову, просит его не «замалчивать их близости, — это тем более бесполезно, что, с его ведома, она рассказала обо всем. Потом, в марте 1901 года, снова возвращается к этому вопросу. В Ялту приехать невозможно: «чем я приеду?» Ей не хочется скрываться, «надоели прятки», все это «тяжело». Ей грустно, что он «как-то не понимает этого пункта или не хочет понять». Встает вопрос: «до каких же пор мы будем скрываться? И к чему это?... Зачем так отягчать жизнь? «Все время она чувствует себя «между двух огней»: недоумевает сестра Чехова, страдает его мать,— все это измучивает, а Чехов молчит, или недоговаривает.

Без него ей тоскливо, тянет в Ялту, — ехать нельзя. Но и он тянется к ней, зовет к себе, настаивает на свидании. Что делать? Поездка в Москву могла серьезно повредить здоровью Чехова, и тогда, несмотря на все препятствия, Книппер выехала к нему в Ялту. Пред этим она писала ему восторженно и успокаивающе: «Будь веселый, милый, мягкий, не чувствуй себя одиноким... Итак приеду, приеду... Ты рад? Ты улыбаешься?».

А кругом шептались, говорили о предстоящем браке писателя с актрисой, какая-то литературная дама прямо спросила Книппер, — «невеста ли она Чехова?» Пришлось покраснеть, — она так и не нашлась ничего ответить. Потом, на рауте в Строгановском художественно-промышленном училище, жена вел. кн. Сергея Александровича подошла к матери Книппер и спросила:

— Ваша дочка в Москве? Когда же ея свадьба? А как его здоровье?

Речь шла о Чехове. Мать Книппер стала в тупик, замялась, она сама ничего не знала. Но сплетничали и говорили об этом все. В Москве Книппер не давали проходу. Многие уверяли, что она уже вышла замуж. На эту тему болтали в Алупке, как и в подмосковном Сергиевом посаде, поздравляли близких к Книппер людей, те изумлялись. Все бередило, кололо, заставляло торопиться с венчанием.

В апреле 1901 года она пишет Чехову: «приезжай в первых числах и повенчаемся и будем жить вместе». Ей обидно и досадно, ей кажется, что он уже охладел, что больше не любит, не хочет в ней видеть дорогого человека, «а я без тебя не представляю себе своей жизни». Временами ее охватывает ужас одиночества и безнадежности: «чувствую, что жизнь уходит, и я как будто не жила, ничего не сделала в жизни, мало схватила, мало или скорее (ничего) не поняла в жизни не сумела взять и понять. Пожить бы с тобой полной, хорошей жизнью. Милый мой... Привози свои бумаги, чтобы мы скорее могли повенчаться, — это очень просто и живо. Надоели мне кусочки. Хочу полноты». Но Чехов медлил. Это было совсем не от его охлаждения, не от недостатка любви, — он боялся огласки, формальностей, торжественных церемоний. «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться». Так и сделали. Венчание произошло в тайне, — о нем никто не знал, — даже его родные, напр., брат Иван Павлович, видевшийся с ним в тот самый день. Чехов не любил чествований, парадных речей, юбилеев. Известно, что он убежал с юбилейного торжества Григоровича. И в его произведениях свадьба всегда рисуется в комических чертах. Чехов обвенчался, и сейчас же они с Книппер уехали из Москвы, посетили только ея мать и отправились в Нижний Новгород, там сели на пароход, и по Волге, Каме, Белой, через Уфу проехали на ст. Аксеново в Андреевскую санаторию: там Чехов должен был пить кумыс.

В этих обменных письмах раскрывается и расцветает таинственный и чудесный роман, эта переписка сама становится как бы романом в письмах. У Чехова они прекрасны. Таких эпистоляторов русская литература насчитывает, пожалуй, еще двух. Это — Пушкин и Тургенев. Письми Чехова увлекательны, просты, и наблюдательны. Они, кроме того, умны и юмористичны. В них он умел быть глубоким и шутливым. Как-то просил сестру уговорить Книппер, чтобы на все лето она приехала в Ялту: «Без нея скучно, я ей буду жалованье платить». К Книппер, уже после их сближения «Пиши мне почаще, не скупись. За это я тебя награжу, я тебя буду любить свирепо, как араб». В сентябре опять: «Зимой ты забудешь, какой я человек. Я же увлекусь другой, буде встречу другую, такую же как ты, и все пойдет по старому, как было раньше». После женитьбы: «Пиши, пиши и пиши каждый день, иначе будешь бита. Я, ведь, очень строгий и суровый муж, ты это знаешь». Вдруг пишет о какой-то несуществующей «Наде», — под этим именем надо было разуметь некую жену-мещанку. Внезапно другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я здесь утоплюсь или женюсь на сколопендре». Она в шутку сердится на Чехова: как он мог назвать ее «змеенышем»? Он отвечает: «Я вовсе не называл вас змеенышем, как вы пишете, вы — змея, а я змееныш, громадная змея. Разве это не лестно?» Вообще, его обращения к ней неожиданны в своей изобретательности, ласково—фамильярны и смешны: «милая, драгоценная актриса», «моя верная спутница», великолепная женщина», «хороший человек», «актрисища лютая», «девочка хорошая», «милюся», «бабуся», «ангел мой», «жидовочка», «балириночка», «собака», «шустрая», (иногда рыжая), «глупенькая», «милая пьяница», «жестокая, свирепая женщина», «актрисуля», «эксплоаторша души моей», «отчаянная», «скряга», «Книпшиц», «собака Олька», «моя лютераночка», жена моя чудесная, друг мой милый», «венгерец». И подписывается тоже шаля, шутливо, тоже неожиданно: «Иеромонах Антоний», «академик Того», «твой Антонио». Вторит в тон ему и она: «Твоя актриска», «Собака», Олька», и т. д.

Но есть и большое различие в этом тоне, в самом выборе этих обращений и прозвищ. Иногда Чехов называет ее «немкой», она его «киселек славянский», другой раз — «халатик». Это характерно. У Книппер больше инициативы, жадности к жизни, здоровья. Чехов — болен, уступчив, снисходителен. За все время переписки у него не вылетело ни одного упрека, ни прямого, ни затаенного. Только в редких случаях мы слышим, как он сознается в том, что одинок. Впрочем, и без этих обмолвок все было ясно, потому что все было грустно. Погода замечательная, весна чудеснейшая, — и «я бы наслаждался, да беда в том, что я один, совершенно один»,— говорит он. Себя он чувствует там, как пересаженное дерево: либо примется, либо заглохнет.

Но тосковала и Книппер, — тянулась к нему, жаловалась: «как мне трудно быть с тобою врозь. Точно отрезан кусок от меня».

Тогда говорили: почему же она не бросит театра? Ушла бы со сцены, жила с Чеховым, все стало бы на свои места, большой писатель нашел бы облегчение в женской ласке, в жениных заботах. Но все ясней и ясней: Книппер не могла этого сделать.

Конечно, МХТ ей был близок. Все свои юные годы она промечтала о сцене. Бросать ее в самом начале было трудно, горестно, невозможно. Но это не захотел бы и сам Чехов. Книппер говорил правду: «он так дорожил связью через меня с театром»... «Он тяготился бы ломкой жизнью своей и чужой». Все-таки одно время Книппер сильно подумала, не бросить ли сцены. Из этого ничего хорошего не получилось бы. В 1902 году серьезно говорила на эту тему с Немировичем и Станиславским, хотела уйти и из театра, и, конечно, встретила сильный отпор.

Возставал и сам Чехов. С редкими встречами пришлось примириться: никто не был виноват. Чехов так и формулировал: виноват бес, «вложивший в меня бацилл, а в тебе любовь к искусству». Сейчас все эти жалобы, страдания, весь этот роман с его надеждами и муками освещен дальним потухающим светом, и с особенной, колющей грустью читаешь строки, мечтающие о счастье. В минуту тоски кажется, что молодость уходит. В одном из своих писем Книппер говорит о жизни, представляет себя в старости, когда она будет смотреть на сухие букеты и ленты. Ей хотелось тогда, чтоб остались воспоминания, о они согревали-б душу, — «ну, — говорит она, — до старости еще далеко». До старости.... А прошло уже 35 лет. В Риге есть люди, видавшие Книппер всего 4 года тому назад. Она — седая старушка. В тот вечер ей пришлось выступать на чьем-то вечере. Она была в простом черном платье, чуть чуть прихрамывала, читала стихотворение, — как всегда просто. Жизнь прошла. Нет, до старости всем не далеко.

Петр Пильский.